

У нас в гостях Андрей Григорьевич Здравомыслов

18 мая 2008 года исполнилось 80 лет Андрею Григорьевичу Здравомыслову, доктору философских наук, профессору, главному научному сотруднику Института социологии РАН. Должности, звания и отличия Андрея Григорьевича можно перечислять долго, но главное, видимо, не в этом. А в том, что речь идет об одном из основателей современной отечественной социологической науки. Его книги стали настольными для нескольких поколений социологов – не только российских, но и зарубежных, а такие его труды, как “Социология конфликта”, “Человек и его работа” и многие другие, определили направления развития науки на долгие годы.

Сегодня Андрей Григорьевич – вновь гость нашего журнала¹.

От всей души поздравляем Вас с юбилеем.

Спасибо.

Как один из тех, кто стоял у истоков отечественной социологии, Вы имели уникальную возможность наблюдать ее развитие на протяжении более пятидесяти лет. Как бы Вы оценили это развитие сегодня, в 2008-м?

Начнем с того, что на начальной стадии своего развития социология была в большой степени не только наукой, а еще и общественным движением, модным – в хорошем смысле этого слова – занятием группы энтузиастов. Все знали друг друга даже не по именам, а много ближе; большинство было связано дружескими узами. Не имело значения, где ты живешь – в Москве, Тбилиси, Новосибирске, Ростове или Киеве. А теперь за словом “социологи” – тысячи человек. Вот готовится III Всероссийский конгресс (октябрь 2008 года) – подано 2300 заявок от социологов со всех концов России, и это даже не десятая доля, как мне кажется. А вот иное: тот факт, что с 1989 года социология стала предметом преподавания в вузах, говорит сам за себя.

Советская и российская социология переживала разные этапы, и каждый этап был важен. В конце 80-х и в 90-е годы – взрывной всплеск, который объясняется тем, что обществоведческие кафедры (истории КПСС и марксизма-ленинизма) были повсеместно преобразованы в кафедры социологии и политологии. Парадокс этого времени состоял в том, что количество образовавшихся позиций значительно превышало число тех специалистов, которые на самом деле обладали социологической подготовкой. В некоторых социологических учреждениях конфликт между позициями и компетентностью кадров остался непреодоленным, что сказывается отрицательно на процессе преподавания.

И все же нынешняя ситуация в социологии *несопоставима* с тем, что было в 60-е годы. Когда мы начинали, на первом месте стояла вот такая исследовательская задача: в какой мере понять реальность советского общества соответствовала заявленным целям и идеалам. Мы хотели измерить, образно говоря, расстояние от реальности до идеала. Сейчас кое-кто говорит, что это была наивная задача. Я так не думаю. Это была

¹ См.: Социальная реальность. 2006. № 5.

эмпирически правильная постановка вопроса. Решая ее, социологи создали направление мысли, ориентированное на умение собирать и обрабатывать факты, составлять общую картину того, что называется социальной реальностью. Причем эта общая картина опиралась на изучение более частных сфер жизни: отношение к труду, образование, реальность или нереальность надежд, положение дел в семейной сфере...

Мы искали узловые точки, на базе исследования которых развивалось социологическое мышление. Так все начиналось.

Сегодня социология характеризуется прежде всего расширением предметной сферы и многообразием методологических установок, которые обобщают многообразие жизненного опыта людей, уникального в каждом отдельном случае, и это создает чрезвычайно разнообразные течения, во многом не совпадающие друг с другом.

Однако, если прикладные исследования по-прежнему на слуху, то не произошли ли за последние годы спад интереса к теории социологии?

Не спад... Тут все сложнее. В теории разрабатывается главный вопрос (никак не эмпирический) – вопрос мировоззрения. Опять-таки обратимся к прошлому: в 60-е годы наше мировоззрение строилось на базе марксистской теории. Никто из нас не был диссидентом, никто не носил “фигу в кармане”. Шестидесятники принадлежат к тому поколению, становление которого шло в послевоенные годы, и осмысление минувшей войны как войны, которую враг вел на уничтожение нашего народа, играло особую – можно сказать, подспудную – роль в формировании наших взглядов. Тут можно говорить очень о многом, но по недостатку времени и места ограничусь тем замечанием, что излюбленное иными сравнение фашизма и сталинизма не выдерживает исторической критики.

Так вот: точно так же и современная социологическая теория основывается на историческом фундаменте – прежде всего в вопросах осмысления того, чем был XX век. Характеризуя его как век насилия, мы приходим к тому естественному выводу, что век XXI должен быть построен на основании мирного сотрудничества и взаи-

мопонимания между народами. И это напрямую касается предпосылок теоретического мышления в социологии. Есть масса тонкостей, касающихся теоретического дискурса. Так, если в 60-е структурно-функциональный анализ как господствующая парадигма западной научной мысли противостоял марксистской парадигме, то наши теоретические усилия состояли в том, чтобы показать: отношения двух этих парадигм не могут, не должны рассматриваться как “чистая оппозиция”. Скажем, теория классов и противостоявшая ей теория стратификации – разве они взаимоисключающи? Современное общество характеризуется и тем, и другим. Или взять социологию конфликта: в ней внятно просматривается не только марксистское, но и веберинское направление. Надо принять во внимание, что Вебер имел в своем распоряжении “лишние” полвека по сравнению с Марксом и мог разработать более тонкий аналитический аппарат. Так же и Дарендорф в своей классической работе 1959 года “Класс и классовый конфликт в индустриальном обществе” не отрицает ни одну из этих парадигм, поскольку невозможно понять одно без другого.

Попытки классификации как упомянутых, так и других парадигм сегодня предпринимаются, и они перспективны. Каждая высвечивает тот “сектор” социальной реальности, на изучение которого парадигма и направлена. В то же время каждая парадигма характеризуется своим особым стилем мышления, в том числе – своим понятийным аппаратом и своей “логикой мышления”, позволяющей заметить и проанализировать именно то, что не видно с иной точки зрения.

В пространстве социологической теории существуют разные уровни обобщения и осмысления реальности. В качестве политически значимых уровней такого обобщения выступают и национальный, и наднациональный уровни социологического теоретизирования. В своей новой работе (“Социология: теория, история, практика”) я предпринял попытку сравнительного анализа социологии в контексте национальных культур. Это, на мой взгляд, совершенно необходимо для оценки реальных возможностей социологии.

В этой работе я преимущественное внимание обращаю на состояние теоретического мышления. Трудности понимания социологической теории связаны с тем, что социология меняет свой предмет постольку, поскольку само общество не стоит на месте. В нашей литературе есть детально разработанная *теория* трансформации российского общества (Т. Заславская), тщательно проработанная теоретическая концепция, названная *социологией пространства* (А. Филиппов), объяснение (теория) *межнациональных конфликтов*, развернувшихся на постсоветском пространстве. Все это различные виды теоретизирования, каждый из которых опирается на теоретический ресурс, накопленный в истории социологической мысли. Следовательно, теоретическая и аналитическая работа идет, но она не столь заметна в сравнении с публикациями, посвященными описанию данных опросов, где используются количественные показатели различного рода.

Дело также и в том, что теоретическая работа в социологии прямо или косвенно включает в себя анализ самих предпосылок теоретизирования, которые связаны с различными вариантами мировоззрения. Для понимания собственно процесса теоретизирования важно иметь в виду различие эмпирического материала, который является предметом интерпретации. В одних случаях исследования направлены на “социальную реальность”, на “социальные факты”, которые становятся предметом объяснения; в других – речь идет об исследовании самих понятий, с помощью которых осуществляется объяснение.

Вы много лет посвятили социологии власти. Семнадцать лет Вы проработали в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Той партии не стало, возникли новые, ситуация совершенно изменилась. Насколько применимы Ваши разработки к сегодняшней ситуации?

Во-первых, о социологии власти. Эта проблематика остается постоянной темой моей научной работы. Для своей диссертации я избрал проблему интереса в социологической теории. Согласно идеологической формуле как советского времени, так и наших времен, власть должна

“выражать интересы народа”. Но что это значит на самом деле? Что такое интересы, которые “надо выражать”? Каким образом они формулируются на уровне самого сознания “простых людей”? Как они доходят до властных структур? И если они доходят до высших инстанций, то как они принимаются во внимание при принятии решений? Кое-что мне удалось понять в советские времена. И при этом прописать в своих обеих диссертациях (1959, 1970). Не случайно обе защиты проходили при большом скоплении народа и в атмосфере дискуссии.

Конечно, мое практическое понимание отношений “власть и общество” прикрывалось достаточно сложной теоретической формулой, связанной с попыткой ответить на поставленные вопросы. Я понял некоторые вещи, которые имели большое значение на практике. Прежде всего, я достаточно четко понимал, что люди, работавшие в аппарате властных структур, далеко не одинаковы. Партийная бюрократия, как это ни странно, включала в себя демократические элементы. Причем бюрократическая и демократическая составляющие власти постоянно соперничали между собою. Поддержка социологии, несомненно, зависела от демократической составляющей. Во-вторых, структуры власти обладали достаточно жесткой иерархией. Так, рядовому члену партии невозможно было обратиться к секретарю ЦК, а позицию последнего формировал его аппарат. В-третьих, структуры власти подчинялись функциональному разделению труда: например, идеологической отдел ЦК имел одни задачи, а отдел науки – другие. Системное видение проблем благодаря этому утрачивалось. И в этом разрыве функций формировалось пространство социологии. В-четвертых, многие вопросы могли решаться, если они ставились достаточно грамотно, то есть обосновывались с помощью формулировок вышестоящих партийных органов, в том числе документов съездов КПСС. В-пятых, за “ошибки” в мое время уже на расстреливали, а ограничивались переводом на другую работу. Многие из этих черт присущи любой действующей организации.

Более сложный вопрос: что же случилась с “руководящей и направляющей силой совет-

ского общества”? Главное событие – *раскол* в высшем эшелоне власти. Приход к власти М. Горбачева был вполне легитимным в рамках сложившейся системы. На первых порах руководство партии согласилось с необходимостью перемен, но вскоре выяснилось, что каждый член руководства понимал эти перемены по-своему. Лозунги – “перестройка” и “гласность” – толковались по-разному. Генсек партии настаивал на приоритете политического процесса, то есть демократизации как таковой. Председатель Совета министров (правительство) выступал за необходимость экономической подготовки политических преобразований. Еще более острый конфликт возник между двумя членами Политбюро ЦК КПСС Е. Лигачевым и А. Яковлевым. Далее, КГБ на словах принимал перестройку, но только не для своей структуры. Еще одно направление раскола состояло в конфликте между руководством Союза ССР и руководством Российской Федерации. Совокупность этих конфликтных узлов ослабила роль Центра и усилила стремление к самостоятельности республик, что и привело в конечном счете – через кризис партии – к распаду СССР.

Главный вывод из сказанного состоит в том, что для всякой программы изменений недостаточно провозглашения общего лозунга. Необходим пошаговый просчет возможных последствий как позитивного, так и негативного плана. Необходим учет интересов тех групп населения, которые обладают мобилизационным потенциалом и могут принимать участие в этих изменениях в совершенно неожиданном направлении. И этот “пошаговый просчет” необходимо прорабатывать в структурном разрезе: учитывая как объем средств, направляемых на реализацию намечаемых изменений, так и реальные механизмы их распределения.

Что касается нынешней ситуации с партией, то она заслуживает отдельного разговора. Во всяком случае, она несопоставима с прежними политическими ситуациями. Прежде всего, в стране благодаря усилиям президента РФ сформировалась “партия власти” – “Единая Россия”. Эта правящая партия не имеет собственной

идеологии и собственных целей, но зато ей принадлежит парламентское большинство. Его функции состоят в обеспечении своевременного прохождения новых законов через парламент. Ныне задачи “партии и народа” формулируются в посланиях президента к Федеральному собранию. Несомненно, что аппарат, работающий над подготовкой этих посланий, знает свое дело не хуже, чем мой друг Ф. Бурлацкий, большой специалист по подготовке политических документов, в свое время направленный с позиции консультанта ЦК КПСС на “перевоспитание” – на должность заместителя директора Института конкретных социальных исследований (1967).

Если же говорить серьезно, то я полагаю, что сложившаяся в России политическая система имеет большие возможности для развития. Я согласен с Н. Смелзером в том, что главенствующая роль в современном многополярном мире по-прежнему принадлежит государству. Причем государство с позиций социологической теории не только обладает монополией на легитимное насилие (Вебер), оно представляет собой особое явление в теоретическом плане: это аккумулятор национальной культуры в самом широком, историческом смысле – главный выразитель национальных интересов (Смелзер). Сюда я бы добавил вывод из моих исследований: государство, помимо всего прочего, может выступать главным арбитром в межпартийных и межгрупповых конфликтах. И это важная, если не важнейшая составляющая гражданского общества. Ведь что такое гражданское общество? Общество граждан, *граждан данного государства*. Разве не так?

В заключение – традиционный вопрос: что бы Вы сами пожелали себе накануне юбилея?

Есть много желаний... Я написал четырнадцать книг, не считая переводов и переизданий. Из них шесть написано в советские времена. Причем я не отрекаюсь от того, что было написано тогда. Хотел бы, чтобы мои работы стали достоянием нового поколения социологов. Не обязательно, чтобы они разделяли мои взгляды. Но хочу, чтобы эти работы не ушли бесследно, чтобы задевали мысли и чувства людей.

Беседу вел Михаил Болотовский